

РУСОФОБИЯ

ИГОРЬ

ШАФАРЕВИЧ

Игорь Шафаревич

Русофобия

«Алгоритм»

1982

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Шафаревич И. Р.

Русофобия / И. Р. Шафаревич — «Алгоритм», 1982

ISBN 978-5-907024-81-6

Имя выдающегося мыслителя, математика, общественного деятеля Игоря Ростиславовича Шафаревича не нуждается в особом представлении. Его знаменитая «Русофобия», вышедшая в конце 70-х годов XX века и переведенная на многие языки, стала вехой в развитии русского общественного сознания, вызвала широкий резонанс как у нас в стране, так и за рубежом. Тогда же от него отвернулась диссидентствующая интеллигенция, боровшаяся в конечном итоге не с советским режимом, но с исторической Россией. А приобрел он подлинное признание среди национально мыслящих людей. На новом переломном витке истории «Русофобия» стала книгой пророческой. Прежние предположения автора давно стали действительностью. В настоящее издание включены наиболее значительные работы И. Шафаревича советского периода.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907024-81-6

© Шафаревич И. Р., 1982

© Алгоритм, 1982

Содержание

Русофобия	5
Предисловие	5
От автора	6
1. Цель работы	11
2. Взгляд на русскую историю	14
3. Планы для России	21
4. «Малый народ»	29
5. Современный вариант «Малого народа»	36
6. Национальный аспект	41
7. Большой вопрос	46
8. Еврейское влияние в «революционный век»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Игорь Шафаревич

Русофобия

Русофобия

Предисловие

Работы, собранные в этой книге, были опубликованы раньше, но, к сожалению, не потеряли связи с современной жизнью, что я и стараюсь пояснить в предисловии.

Основная мысль, которую я в разных работах подкрепляю разными аргументами, заключается в следующем. Сила, жизнеспособность государства определяется не эффективностью его администрации, мощностью его армии или производительностью экономики, но цельностью его национальной жизни. Иногда государство объединяет несколько народов – как, например, в Великобритании, но среди них всегда есть один «государствообразующий», усилиями которого государство было создано, на культурные традиции которого оно опирается.

С этой точки зрения современная Россия представляет собой неестественный и больной организм (каким был и СССР). Сейчас в России имеется около двадцати республик, считающих себя национальными, имеющих «титულную» нацию, что подчеркнуто в их конституциях. Но подавляющее большинство жителей этих республик – русские, а «титулные» нации составляют около 8 % населения. Такое положение неустойчиво и мешает объединению народных сил в наше кризисное время. Более того, графа «национальность» удалена из паспортов (хотя «пол» еще остался), национальность перестала быть юридическим понятием. Теряет смысл даже вопрос о национальном составе России. Также невозможно хотя бы учесть национальный состав громадного потока переселенцев, въезжающих в Россию, – не говоря о том, чтобы его регулировать, исходя из русских национальных интересов.

После распада Советского Союза русский народ оказался разделенным между несколькими государствами, подобно немецкому после конца Великой Отечественной войны. Но в нашем случае в Российской Думе нет ни одной партии, которая заявляла бы как свою политику – будущее воссоединение русского народа. Надо явно признать, что наш народ сейчас лишен своего государства, является редким в мире народом без государства – в роде басков.

Эти явления, конечно, тесно связаны с тем, что происходит в духовной области. В том государстве (называемом РФ), где русские составляют подавляющее большинство населения, всякая попытка понять его историю и культуру встречает резкое сопротивление – клеймится термином «экстремизм», а для борьбы с «экстремизмом» принят специальный закон.

Слово «русский», которое мы больше не увидим в своих паспортах, в пропаганде оказалось очень популярным. Например, в таких выражениях, как «русский фашизм – хуже немецкого» или «Россия – мировая черная дыра». А часто то же явление проявляется и без использования слов «русский» или «Россия». Например, когда в Большом театре ставится опера на либретто автора, известного своими порнографическими творениями.

Попытка понять весь этот комплекс вопросов и объединяет работы, собранные в настоящей книге.

Апрель 2005 г.

От автора

До революции общественное мнение России, да и всего мира, чутко отзывалось на выражения недовольства многих входивших в Россию народов: звучал и «польский вопрос», и «финский вопрос», и «еврейский вопрос»... Но о «русском вопросе» слышно было редко. И так же дальше шло в нашей истории.

При коммунистической власти направление задал один из последних документов, написанных Лениным (1923 г.): «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактической». (Удивительно, как легко марксисты забывают свои принципы «классового подхода к истории», когда речь заходит о нациях, особенно о русских. Вот и Маркс с Энгельсом называли русских «контрреволюционной нацией».) Так и остались русские на десятилетия в роли «возмещающих», хотя никто не подсчитал, кого и насколько они угнетали и каков же объем этих наложенных на них «интернационалистских репараций».

Во время войны Сталин стал употреблять слово «русские», после войны назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией из числа наций, входящих в Советский Союз». Но когда группа руководящих коммунистических деятелей попыталась, строго в рамках тогдашней системы, как-то реализовать эту фразеологию, то кончилось все расстрелами и арестами («Ленинградское дело»). С другой стороны, в ЦК было даже созвано совещание историков, чтобы «дать отпор ревизионистским идеям», например «требованию пересмотреть <<...>> вопрос о царской России как тюрьме народов».

И после смерти Сталина общественное мнение либеральной и оппозиционной интеллигенции, по существу, восприняло точку зрения Ленина о «справедливом неравенстве» между русскими и другими народами СССР. Я знал тогда людей, которые готовы были напрочь положить свою жизнь, отстаивая права крымских татар. Хотя, например, о судьбе донских казаков, число которых за время Гражданской войны сократилось более чем вдвое, никто не поминал. Да и тогда же «русский вопрос» весьма остро стоял, например, в Чечне (тогда – Чечено-Ингушской АССР). Там жило около полумиллиона русских (больше, чем татар в Крыму). Сейчас их осталось совсем немного (в основном старики, которым некуда податься). И то, как их выживали, убивали, грабили, насиловали, не волновало ни тогдашних правозащитников, ни современных политиков, так охотно драпирующихся в патриотические одежды. Равнодушие к судьбе своего народа легко переходило во враждебное его осуждение. И средний советский интеллигент, и западный советолог, и различные «голоса», вещавшие на СССР, все сходились на том, что наша страна – колониальная русская империя. Термин «тюрьма народов», которого власти уже стали стыдиться, перешел в оппозиционный самиздат. Тогда же стала допускаться эмиграция, и эмигранты, уже не боясь, ярко высказывали те же чувства.

Вот этому явлению и была посвящена первая работа из числа собранных в книге («Русофобия»). Меня поразило странное явление. Казалось понятным, что русские за свою длинную историю могли нажать себе недоброжелателей. Но как понять «русофобию русских» или, по крайней мере, людей, пишущих «мы, русские...»?

Только позже я узнал, что явление это – старое, да и сам термин применялся именно в этой связи. О людях этого направления еще Пушкин писал:

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Позже Тютчев писал (в письме дочери):

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что именно бесспорным наличием всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того как Россия, добиваясь все большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается».

Он писал по поводу некоторых тогдашних высших сановников (министра внутренних дел и шефа жандармов), что для них «так называемая русская народность есть не что иное, как вранье журналистов». Он говорит:

«До сих пор это явление не было достаточно подробно исследовано... это происходит не только вследствие недоразумения, глупости, неправильного понимания или суждения. Корень этого явления глубже, и еще неизвестно, докуда он доходит».

В этот же ряд наблюдений укладывается и мысль Достоевского:

«Они ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

И уже в XX веке Розанов писал:

«Дело было вовсе не в “славянофильстве” и “западничестве”. Это – цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление».

И он так очерчивает это мировоззрение («явление»):

«Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена... Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеет мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы».

С другой стороны, явление это далеко не специфически русское. В указанной работе я привожу совершенно аналогичные его проявления в разных странах. По-видимому, это обычный признак кризиса, переживаемого каким-то народом.

К моему удивлению, «Русофобия» вызвала чрезвычайно много откликов. Они и сами дают яркую картину рассматривавшегося в работе явления – обзору их я посвятил вторую работу, помещенную в этой книге. Но больше всего в этих откликах меня поразило то, что подавляющая часть их касалась лишь одного (и не основного) вопроса, затронутого в работе. А именно невозможно было не заметить, что среди разбираемых авторов (самиздатских или эмигрировавших и печатавшихся на Западе) исключительно велико было участие еврейских публицистов. Причем не только по именам, но и по тому, какое место в их публикациях занимали темы, волновавшие тогда еврейство (ограничения эмиграции, опасность антисемитизма). Да еще я сопоставил это явление со столь же бросающимся в глаза участием еврейских революционеров в руководстве коммунистической власти первое время после революции.

Сам характер этих отзывов порастил меня. В подавляющей части они были критическими в отношении моей работы. Но «критическими» отнюдь не в общепринятом смысле. Это не было опровержение приведенных там фактов или логики рассуждений. Алогические контраргументы обычно были столь элементарно несостоятельны, что интеллигентные авторы легко могли бы это сами заметить. Очевидно, это был взрыв иррационального возмущения: как можно обсуждать столь «недопустимый вопрос»? Существование такого «табу» было мне ясно и до того, но я не представлял себе его универсальный масштаб по всему миру – вплоть до США. А у нас это совпало с эпохой провозглашения гласности. Казалось общепризнанным, что необходимо стремиться к открытому обсуждению любого вопроса. Но вот в одной области упразднились и плюрализм, и толерантность.

Такое особое отношение лишь к одной области жизни, такая управляемость и табуизированность «общественного мнения», причем во всем мире, выявляли, очевидно, поразительную и важную черту современной жизни. Это и привлекло мое внимание к роли еврейства в современности, да и в прошлом. Факты, соображения, собранные за много лет, легли в основу работы, завершающей книгу.

Основной вывод, к которому я там пришел, заключается в следующем. Рассеянное по миру еврейство давно играло большую роль в жизни многих народов – начиная с античности. Начиная с XVII–XVIII вв. это влияние стало быстро расти и росло до наших дней. В нашей стране это влияние особенно ярко проявилось в перевороте 1917 г. и в перевороте конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но оно не слабее и на Западе, особенно в США. Причина (механизм) столь сильного влияния видится мне так. Будучи рассеяно по всему миру, еврейство тем не менее обладает поразительным свойством очень легко заражаться одним настроением, подчиняться влиянию активного меньшинства. Один из влиятельных вождей еврейского национализма в XIX в., Гретц, назвал его «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира», другие предлагали иные формулировки, многие (еврейские) мыслители высказывали свое недоумение по поводу этого явления. Исторически оно сложилось за громадный промежуток времени (более 2500 лет только подтвержденной источниками истории) из следующих основных факторов:

1) религиозная концепция избранности, сформулированная еще в Пятикнижии, но впоследствии переосмысливавшаяся в чисто светской форме;

2) развитая в талмудической литературе концепция принципиального отличия евреев от других людей, так что к ним просто не применимы общие мерки;

3) система организации еврейских общин в кагалы. Она существовала начиная со Средних веков и до Французской революции в Западной Европе и до XIX в. в Восточной. Она была основана на жесточайшем подчинении каждого члена общине. Живущий в Израиле автор – Израиль Шахак – называет ее «одним из самых тоталитарных обществ в истории»;

4) возникший в XIX в. «наследник» этой организации – сеть «закрытых» (для неевреев) обществ, покрывающих сейчас США и Западный мир вообще. Вместе эти факторы превратили еврейство (понимая этот термин весьма широко) в незаменимое орудие социального переворота.

Я не вижу аргументов, указывающих на то, что еврейское влияние является основным, определяющим фактором истории. Кризис в жизни какого-то народа или общества созревает на основе логики его собственной истории, как следствие решений, свободно принятых отдельными людьми (или обществом в целом). Но в ряде ситуаций видно, как эта струя вливается в уже возникший где-либо кризис, способствуя победе более радикальных тенденций и укреплению победившей партии переворота. Современный автор, публикующийся в России (Д. Фурман), пишет: «Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении». Как он пишет, во время «первичного революционного цикла» (Подразумевается революция 1917 г. – И.Ш.) *«большинство политически активных евреев выступало на стороне революции... одновременно устанавливая тоталитарный режим».* И автор продолжает: *«На мой взгляд, в очень смягченной форме ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989–1993 годах».* И в ряде исторических ситуаций, многие из которых описаны в работе, видно, что так называемый «еврейский вопрос» проявляется не как национальный вопрос, а как вопрос о власти. А мировое еврейство с его уникальными, выработанными тысячелетиями свойствами является лишь очень важным орудием при подготовке радикального переворота и удержании новой власти.

Особенно в истории нашей страны в XX в. эти черты проявились с необычайной яркостью. Например, в период так называемого «застоя», когда коммунистическая власть пыта-

лась обойтись без этого фактора поддержки: несколько уменьшить еврейское влияние. А кончилось все крахом этой власти. И многократно обсуждавшиеся ситуации – перевороты 1917 г. и конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ясно, что это очень важный фактор, влияющий на нашу жизнь. Чтобы в этом убедиться, можно произвести такой «мысленный эксперимент»: предположить, что еврейское влияние как по волшебству было убрано из нашей жизни во время революции 1917 г. или революции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ясно, что кризис все равно надвигался, но пережила бы его страна как-то иначе.

Те же силы действуют и сейчас, а значит, влияют на наше непосредственное будущее. Например, писатель Тополь, уехавший из России, недавно опубликовал статью, в которой так характеризует нынешнее положение: «Впервые за тысячу лет со времени поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране». Даже если в этих словах есть преувеличение, они указывают на неестественную и опасную ситуацию. И далеко не потому, что, по словам Тополя, «у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полукровок Кириенко и Чубайса». Дело не в том, что аборигенам тоже хочется погреть руки на дележе богатств страны или порулить государственным кораблем, а, как мне кажется, в том, что при любой форме правления – от абсолютной монархии до абсолютной демократии – страной реально правит довольно узкий слой людей. Если он перестает ощущать и отстаивать те минимальные требования, которые предъявляет к жизни основная часть народа, то кончается это общегосударственной катастрофой. А способность почувствовать фундаментальные запросы народа определяется близостью к нему, разными факторами, в том числе и национальной родственностью. Тут совершенно невозможно вычислить какую-то «процентную норму», но многие признаки иногда показывают, что необходимая близость нарушается, ситуация переходит какую-то черту – и страна обрушивается в катастрофу.

Как изменить это опасное для будущего страны положение и не допустить, чтобы оно опять сложилось? Такой стороной оборачивается для нас, для России и для русских, сейчас «еврейский вопрос». Если опыт истории чему-либо и учит, то тому, что вопрос этот не может быть «решен». За несколько тысяч лет столько попыток предпринималось в этом направлении как с еврейской стороны, так и со стороны других народов. XX век принес два таких грандиозных «проекта». Один, «сионистский», – попытка собрать большую часть евреев в одно национальное государство – явно не удался. Очевидно, что по разным причинам Палестина не способна вместить большую часть мирового еврейства. Другой «проект» – ассимиляция – тоже зримо идет на убыль. И вряд ли за протекшие тысячелетия в этих вопросах люди стали мудрее. Вообще, это легкая и неверная мысль, идущая от эпохи Просвещения, что любая драматическая проблема жизни может быть решена какими-то внешними средствами. Жизнь человечества и каждого человека трагична по существу своей. Самое яркое проявление этого – смертность каждого человека. И в данном случае мы имеем дело действительно с драматической ситуацией. Евреи чем-то принципиально отличаются от других народов. Это ощущали и по-разному выражали еврейские мыслители в различные эпохи. Так, в Моисеевом Пятикнижии Валаам говорит об Израиле: «С вершины скал вижу я его, и с холмов смотрю на него: вот, народ живет отдельно и среди народов не числится» (Числа, 23,9). А в XX в. историк русской литературы, наиболее известный как организатор сборника «Вехи», М.О. Гершензон под конец жизни написал статью «Судьбы еврейского народа», где говорит об истории евреев, что она «слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов». Сосуществование столь различных общностей не может не порождать болезненных ситуаций (как и было, например, в Гражданскую войну или во время коллективизации). И русские, как и любой другой народ, желающий сохранить свое место под солнцем, должны осознать наличие этой драматической стороны жизни и добиться, чтобы в нашей жизни были реализованы наши основные жизненные цели.

Но в чем эти цели конкретно заключаются? На такой вопрос, мне кажется, ответ может дать только весь народ в целом (есть, конечно, путь придумывания, «конструирования» будущего народа, но это путь создания «утопии», особенно болезненный, если утопия реализуется). Как же может народ свои цели формулировать? Выше я привел слова еврейского национального деятеля Гретца о «чудесной взаимосвязи, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира». Другие народы таким свойством, видимо, не обладают. Поэтому для нас остается лишь путь (найденный человечеством в связи с открытием речи и письма) обдумывания и обсуждения всех сторон нашей истории. И какие-либо запреты и «табу» в этой области гораздо серьезнее, чем «нарушение прав человека», – для каждого народа речь идет о самом необходимом условии его выживания. Поэтому, как мне представляется, для современной России это одна из важнейших задач – отстаивать право на осмысление своей истории, без какой-либо формы цензуры. И можно надеяться, что задача эта не только реальна, но решение ее близко. В нашем обществе, во многом столь несвободном, все шире утверждается убеждение, что осознание исторического опыта народа – процесс, который ничем и никем не может быть приторможен. То есть в этом вопросе мы оказались духовно свободнее большинства других народов мира.

И если наше поколение когда-то будет спрошено (а ведь будет!); что же мы сделали в этот гибельный для России век? – то сверх многих отрицательных оправданий (НЕ участвовал в насилиях, НЕ эмигрировал, НЕ продался...), среди немногих положительных действий, я надеюсь, окажется это изменение народного сознания.

1. Цель работы

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии и антипатии, – и в каких его слоях – формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и, может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. п. И конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, в песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которые оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящимся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем, и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможного хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой, законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции – ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источников. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в самиздате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А.А. Амальрика² в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предвещала: «Это уже не голоса, а голос не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского открове-

¹ Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться: Г. Померанц – советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические и общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл – вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

ния. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С увеличением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появилось несколько сборников и статей и книги Б. Шрагина³ «Противостояние духа» и А. Янова⁴ – «Разрядка после Брежнева» и «Новые русские правые». Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса⁵ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издrevле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе. До сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю еще с XV века пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианиззм» (а проще – «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москвы – Третьего Рима», высказанной в XVI веке, а современную стадию – в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство – эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 г. закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика – это прямое продолжение варварской истории России. «Сталинизм» прослеживается в русской истории, по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, – возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития – это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для

³ Б. Шрагин – кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

⁴ А. Янов – кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции – профессор университета в Беркли, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

⁵ Р. Пайпс – выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник президента Р. Рейгана.

народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключая для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроение гораздо более широкого круга, чем только авторы работ: она выражает идеологию активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас – и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу – если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература – привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через десять их, возможно, никто не будет знать. Но социальное явление, отражающееся в их произведениях, несомненно, будет еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

2. Взгляд на русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами. Пушкин, например, считал, что соотношение – обратное. Мнению приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях – рабов, можно противопоставить мнение других иностранцев, пораженных чувством собственного достоинства у русского крестьянства или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты». Скорее всего, и те, и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он – суверен, не является ничьим данником (конкретно – хана). По представлениям того времени, царь был ответствен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть.

Яркий пример осуждения царя – оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях, в одном из которых, например, говорится, что «царь обманул Бога». Также и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей – мучеником за веру.

Концепция «Москвы – Третьего Рима», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После Флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение о том, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь⁶.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта уж никак не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и Тридцатилетней войной.

Сводить всю дореволюционную историю к Грозному и Петру – это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно, что представлять историю Франции состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не

⁶ В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов, современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу, сходится на признании того, что концепция «Москвы – Третьего Рима» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

доказывает она и того тезиса, что Революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе, господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большей частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигались, – и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, – Англии. Генрих VIII скроил совершенно новое вероисповедание, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот – парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI–XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (В России XVII века. – *И.Ш.*) – пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации – прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «*куйус регио, эйус религио*» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера подчинение Церкви государству в форме синодального управления церковью, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь – служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически⁷ российская психологическая predisposition к единогласному послушанию сказалась в подчинении церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то – историку и философу – должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипичного», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы Третьего рейха (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением Великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо обратным тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана на Западе, – а не будь она столь глубоко

⁷ Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

разработана, она не могла бы найти воплощения в жизни⁸. Так, еще в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно: «суверен» обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к «суверену», по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще не применимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и не справедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции.

Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому сувереном), и теперь уж он образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие», суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других». Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I! Да можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианиззм», т. е. вера некоторой социальной группы (нации, церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, — явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникла в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон, Фурье...) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» (Рома Терцио у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги, в связи с тем, что западный «революционный мессианизм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец, тезис о том, что революция в России была predetermined всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского социализма, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно — что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской

⁸ На это много лет назад обратил мое внимание А.И. Лапин.

традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной почвой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего, хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну», в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей – народные социальные утопии, – тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды – Кривде, мечты о «царстве Правды», призыв к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта – Бакунин и Герцен, начавших развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и в целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще нерусскими по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: она полностью рассыпается при любой попытке сопоставить ее с фактами.

Обратим внимание на еще одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена обличению жестокости, в некоторых списках Дракула называется дьяволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство.

Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит пословицу «Чужие слезы – вода» как доказательство «жестокости цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 г. А.И. Соболевский писал:

«Мы привыкли думать, что среди русских этого времени (XV–XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75,

среди земледельцев не ниже 50, среди посадских – 20, среди крестьян (в XVII в.) – 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д.С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 70 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так, он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» – постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 г. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов – попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам – истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович – и в результате было казнено 5 человек и около ста сослано. Притом, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820–1823 гг.), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 г. был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показала, как надо расправляться с подобными возмущениями: тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 г., десятки тысяч – после подавления Парижской Коммуны.

Или, желая показать, что даже самые, на первый взгляд, невинные русские национальные течения вроде славянофильства приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала XX века Шарапова и очень темного интригана В.И. Львова, которого он почему-то называет князем (обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников»!). Но если он счел бы, что идеи славянофилов развили Достоевский – как писатель, Соловьев – как философ, Тихомиров – как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов – как политики, то картина получилась бы совсем другая, а при еще одном подборе – третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение – еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слышавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец – уже совсем курьез – Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получит двойку, а пишет это кандидат наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: интересует ли вообще истина этих авторов? Вопрос неприятный, существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, а не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопроса: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?...» Но, с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому, прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения на еще одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, – о жестокости, варварстве, специфических якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, которого в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Кн. Иисуса Навина, VI, 20).

И о царе Давиде:

«А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими» (2-я Книга Царств, XII, 31).

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам – государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. Итак идет через всю Историю: не только в темные Средние века, но и в эпоху торжества Разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план – покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, – и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А Французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион – это когда все население Франции составляло 26 миллионов! И наконец, Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать нам жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из наших авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3–4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшило население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, за несколько дней было истреблено больше народа (в Париже и в провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требования историзма. А ведь все они – люди с гуманитарным образованием; факты, которые мы выше напомним, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они неизвестны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали факты. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это журналистская публицистика, пропаганда, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определенную цель. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателю взгляд, согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это

будет равносильно духовной смерти: народ, так оценивающий свою историю, существовать не может. Так что мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

3. Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления: как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, т. е. подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

«... Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего» (Горский, псевдоним).

Тот же автор предупреждает:

«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...» (как оно, по-видимому, строилось у миллионов, сложивших свою голову в последней войне). Опасным соблазном автор считает размышление о смысле существования России, т. е. саму презумпцию осмысленности русской судьбы. С осуждением он говорит:

«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучится вопросом: что такое Россия? В чем смысл ее существования? Каково ее назначение и место во Всемирной истории?»

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», по крайней мере, «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД» № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русского Православного Ренессанса». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме – безнациональное. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова – на стороне космополитической прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно НАЦИОНАЛЬНОЕ, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно – «татарски-мессианское» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел проходит между националистами и не националистами». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущей России, то там не оказалось бы места антирусской оппозиции! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходившим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР менее важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно – не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало “гуманистическое сознание”, но на нации».

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем; то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «Нации – один из уровней в иерархии Христианского космоса...» (Выделено мною. – *И.Ш.*), т. е., если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется и на нации. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется только на отдельные личности, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распыленное (или «квантовое») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, – таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности, утверждается, что спора и вести-то не о чем, так как народа вообще нет. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая.

Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть невзрачные интеллигенты – и массы.

В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной.

То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство».

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа...

Эти мысли, естественно, вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании, рабства и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пьется перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спечет заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой!»

Или в поэтической форме Галич:

Что ни год – лихолетье,
Что ни враль – то Мессия.

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе таких традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов,

что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но, по существу, все их взгляды приводят к этому выводу: истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе чужого опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что этот опыт чужой, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение, – является ли Россия европейской страной или для нее существует особый, собственный путь развития...».

Таким образом, именно поиск собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм. Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

«Не заключается ли он в поисках альтернативы для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли логика борьбы против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из двух возможностей – или «европейской демократии», или авторитаризма, да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, церковь или церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его крайние точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства – и современная Югославия, и Камбоджа при красных кхмерах, а многопартийные – и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссия в нем носила технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение, не играла заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот пар-

ламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1812 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во Вьетнамской войне, потребовавшей от него очень небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели Вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ – это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколько угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, что его можно приписать живой природе в целом, или отдельному виду, или биоценозу – и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства – это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбирать авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее современном состоянии она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Обсудим некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: Наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакции привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 г. была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции ограниченной власти. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти – сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (см. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущем параграфе). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа раздела властей: когда, например, законодательство не подвластно конституционному монарху или

судебная власть – воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто не записанные и даже не осознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789–1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап Французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», т. е. подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, свободы в западном обществе существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волеизъявлению же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в современной его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5 % в 1920 г. и 8,5 % в 1940 г., то в 1960 г. она составила более 45 %, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что, как она ни плоха, остальные – еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она – недолговечная форма. 200 лет – это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система – уходящий общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собой гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять – безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов определенное представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в гото-

вом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии вроде существующей сейчас в США (например, Шрагин или Янов). Но вот, например, Краснов-Левитин⁹ желает внести «полное имущественное равенство», а Л. Плющ¹⁰ утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа. Индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: кто будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третьей стороне, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: социалистические. Но это уже не современная западная демократия, а некая альтернатива ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории, безусловно, до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно общее у всех у них – раздражение, возникающее при мысли, что Россия может искать какой-то свой путь в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдет по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, робота, лишенного всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридцать земель и вложенной в него программой... Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авторы обратились со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным отражением реальной западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в

⁹ А. Краснов (А.А. Левитин) – церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол Православной церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в Православную церковь. В связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е гг. протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

¹⁰ Л. Плющ – марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «Инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе: протестовал даже вождь французской компартии. Плющ был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

статье Померанца в сборнике «Самосознание». Трактуя развитие культуры всех стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как сколок с культуры этих последних, автор подчеркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия – искаженное копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к еще более остроумным конструкциям, чтобы объяснить, почему Фирдоуси, Омар Хайям и Гафиз так искаженно отражаются в виде Данте, Гёте и Пушкина¹¹.

В несколько упрощенной, но зато очень яркой формы все эти вопросы – и планы для будущего России, и их национальный аспект – предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя: «эстеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Эстеблишментарная левая» (термин автора) состоит из партийной «аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого – в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», т. е. с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этически ущербного нового класса». Но – и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции – это они сделать сами не в состоянии:

«Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, – программу, которая их объединит для нового шага вперед...»

Это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить ее понятнее, автор предлагает в качестве модели – оккупацию:

«Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся “мозговой трест” генерала Мак-Артура в конце Второй мировой войны¹².

Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнера по бизнесу без фундаментальной реорганизации ее внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России...»

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера героя одной сатирической повести. Речь идет о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробила через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него – это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта – привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, – рассуждает Янов, – правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным обществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофо-

¹¹ Любопытно, что при этом автор как раз сам отстает от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX века и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы ее пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

¹² Генерал Мак-Артур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

ническими унитазами! Ее можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения.

4. «Малый народ»

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих параграфах, сливаются в единую систему. Более того, в основе лежит целая философия истории – особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идет о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, – или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, чем считать общество – организмом или механизмом, живым или мертвым.

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти «нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершался на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, историей, совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические тенденции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыками: это истинные творцы истории. Они и должны сначала выработать планы, а потом подгонять жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и «творцами» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую – независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов – насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очернить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа – и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанный Яновым, так и воплощается зрительно в образ России – машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание – и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение животного никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконечного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины дол-

жен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включенном и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на материал для творчества – очень ярко отразился у наших авторов. Приведем несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью: эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»... Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернемся позднее, когда представим его себе конкретнее. Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

«...Старое противоречие между “беспочвенной интеллигенцией” и народом предстает сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям».

Причем в то же время:

«Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция при всем ее отрыве от народных масс представляет тем не менее именно породившие ее массы, является как бы органом их самосознания».

Точка зрения Шрагина такова:

«Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

И более того:

«Интеллигент в России – это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых».

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить невменяемым! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

«Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь... складывается хребет нового народа». «Масса может заново кристаллизироваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции».

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только, где элиту найти:

«Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша... Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу... Мой избранный народ плох, я это знаю... но остальные еще хуже».

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на нее натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о Хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу можно привить демократический строй демократическими методами, да еще в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов и здесь затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и недемократичными методами. (Руссо называл это: заставить быть свободным.) Как пишет Шрагин:

«При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности».

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчеркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий свое единство, особенно рельефно подчеркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

творческая элита – оболваненная и развращенная масса,
избранный народ – мещанство,
европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция – вечная мерзлота,
вменяемые – невменяемые,

племя гигантов – человеческий свинарник. (Последнее – из самиздатской статьи Семена Телегина «Как быть?».) Слой этот объединен сознанием своей элитарности, уверенностью в своем праве и способности определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере, в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано – в эпоху Великой Французской революции.

Один из самых интересных исследователей Французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции), Огюстен Кошен, в своих работах обратил особое внимание на некий социальный или духовный слой, который он назвал «Малым народом». По его мнению, решающую роль во Французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «Малый народ» среди «Большого народа».

Можно было бы сказать – антинарод среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу обращения мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединяющие представителей «Малого народа», создали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «Малого народа» – это то, что тогда называли «освобождением от мертвого груза», от людей, слишком подчиненных законам «Старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создается все более чистый «Малый народ», движущийся к «свободе» в смысле все большего освобождения от представлений «Большого народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером – образом «дикаря», столь распространенным в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескье, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек,

обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишенный понимания духа, который все это оживляет, поэтому все в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ – не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах: это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средой его обитания является пустота, так же, как для других – реальный мир. Он видит все и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «Малого народа», если он прошел весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное существование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, а он как бы освобождается от цепей жизни, все представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «Малого народа», в мире «Большого народа» он задыхается, как рыба, вытщенная из воды. Так «Большой народ» становится угрозой существованию «Малого народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы, предшествовавшие Французской революции, и революционный период. Годы революции 1789–1794 – это пятилетие власти «Малого народа» над «Большим народом». Только себя «Малый народ» называл народом, только свои права формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» – в большинстве (это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей).

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу – все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря. И убеждение в том, что все разумное следует заимствовать извне, тогда – из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности, копирование чужой политической системы – английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «Малый народ», все жизненные установки которого противоположны мировоззрению остального народа, для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни – все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезан начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку – как на чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке революции, – в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведем несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии большое влияние на жизнь Европы XVI–XVII веков. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаем знакомые черты «Малого народа». Учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других – к вечной поги-

бели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся орудием Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что начало движению пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследований в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они под влиянием учения Кальвина заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывающим иногда большинство общин. И «обреченные», согласно взглядам пуритан, должны были быть подвергнуты дисциплине их церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику – оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличения и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в город в поисках работы, а часто превращавшиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: превозносили порку, клеймение раскаленным железом. А главное – требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVII веке возникла страшная система «рабочих домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в своем принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статусов, ордонансов и конституций». Причем к переделке по известному им заранее плану. Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма» – на этот раз восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В Английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за Французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так, в 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили, «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко

всему чужому, что их история – цепь подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гёте, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам еще надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев. Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и неостроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура, история: так, в конце поэмы «Германия – Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, исходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождем французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчетливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: «Оставьте всякую надежду, рабство в крови их». Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

«...Они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе... Народ груб, туп и, вследствие этого, пассивен... Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него».

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

«Этого народ не позволит», – сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. – «Так уничтожить народ!» – ответил западник спокойно и величаво».

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающееся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя бездарными писателями без собственных мыслей, а Ткачев присоединил к этому списку и Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец сажающегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, четкой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так все совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть абсурд» и как следствие – «надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, все целиком». И цель – добиться того, что народ «застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, – вот наша формула!» И принцип – что «кроме европейской правды, другой нет и не может быть». И даже утверждение, что, «в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему все та же косная масса», – как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой, согласно этой идеологии, в том, что «виноваты все те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор еще ничего сделать нельзя». Как современны мысли самого Достоевского:

«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?»

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди ненавидят Россию, «так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодежи, из которых вышли террористы, имело своей основой разрыв с прошлой культурой. Прокламирровалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвалой. Идеи этих кружков были столь ограничены, что появились молодые люди, утверждающие, что вообще ничего не надо читать, – их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев самоубийства, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно – и бросались в террор:

«От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории. Это было возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит “все зло”, т. е. весь свет, все, избличающее его химеру, чем уступит».

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным – очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой, стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа. Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роли религии – но в основном как политического фактора, например когда религиозная рознь проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера – но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит – привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти свое место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый народ».

5. Современный вариант «Малого народа»

Какие есть основания считать, что этот же феномен «Малого народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «Малого народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим презрительное отношение к истории «Большого народа», вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиту» и «инертную массу» и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отращивание к представителям «Большого народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «Малом народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «Малого народа» над «Большим народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца: «...Место интеллигенции всегда на полдороге... Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои...» – прекрасно передает мироощущение «людей без корней», составляющих «Малый народ».

Часто изречения из литературы современного «Малого народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «Малого народа» с его предшественником 100–120-летней давности, сложившимся внутри либерального, нигилистического, террористического и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «Малого народа» можно встретить мысли – почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убежденные западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя все это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделенные друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии «чересчур узки». «Рабство в крови их», – говорит Зайцев, а Померанц повторяет: «Холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью».

И если вдова поэта О. Мандельштама Н.Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия <<...> Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) «мужиковствующими», говорил, что их национализм «примитивный и отдающий тараканами», то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет: «Интеллигенция есть мера общественных сил – прогрессивных, реакционных. Противопоставленный интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу», то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положений знаменитой Готской программы: «По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу».

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «Малого народа», попытаться свести ее идеи к нескольким мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «проклятого прошлого, России – «тюрьмы народов»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «пережитками», «родимыми пятнами» – правда, не капитализма, но «русского мессианизма» или «русского деспотизма», даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм»

как главная опасность – это буквально сохранено, будто заимствовано литературой «Малого народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот еще одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего народа покалечено обработкой, цель которой была – заставить стыдиться своей истории, забыть о ее существовании, когда Россия представлялась «жандармом Европы» и «тюрьмой народов», а история ее сводилась к тому, что «ее непрерывно били»¹³.

Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он.

«Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую цензуру эти слова – «жандарм Европы», отнеся их хотя бы к русскому прошлому».

Но сам он на той же странице пишет:

«Была ли Россия “жандармом Европы”? – А разве нет? Была ли она “тюрьмой народов” – у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? – Факт».

Значит, «время, когда это делалось», совсем не забыто прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист – перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключаящих. И представляется нам только выбор между этими путями, ибо третьего, как нас уверяют, нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «Малого народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «Большого народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 г. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших свое право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда, что все они были «высланы» или «выдворены», хотя и долго обивали пороги ОВИРа, добываясь своей визы.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы меньшинства. Так, вопрос выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей¹⁴. В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев – больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов, пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключенных, то почти исключительно политзаключенных, хотя они составляют вряд ли больше 1 % общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее остры, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример – заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентом, что детям интеллигенции препятствуют получить высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных: из-за внушенной в семье установки, что высшее образование необ-

¹³ Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

¹⁴ А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

ходимо получить, из-за большей культурности семьи, компенсирующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя в долгу перед народом! Теперь же задача – вырвать своим детям место за счет народа.

Еще один знак, указывающий в том же направлении, – это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объяснение права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать. В некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что «в этой стране порядочному человеку жить невозможно». Но и более того, как модель отношения к здешней жизни, безразличности, изоляции и отрыва от нее. (Еще Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди, так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера. 1) На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция все же не подвиг, а уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в ее культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио... Один живущий здесь писатель написал громадную статью во французскую левую газету «Монд», в которой, в частности, утверждал, что «отрыв от родины» – всегда подвиг и что «мы (?), оставшиеся, благословили уехавших». 2) Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своем первом номере, где предлагается программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии, А. Синявского¹⁵ (под псевдонимом Абрам Терц). «Сейчас на повестке дня третья эмиграция», – пишет автор. Понимает он ее широко. «Но все бегут и бегут» – не только люди, например эмиграция совпадает с тем, что «уходят и уходят из России рукописи». А кончается статья картиной:

«Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможене. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: «Поэты Возрождения», «Салтыков-Щедрин». К тому времени я от себя уже все отряс. Но они прыгали и прыгали. <<...>> Книги тоже уезжали...

Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжек, что вместе со мной, поджав ушки, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто. <<...>> Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав ушки, улепетывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин».

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор «все от себя отряс», для него «все было кончено и забыто», но этого мало – бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже «улепетывают» великие русские писатели.

И ту же психологию «Малого народа» мы все время можем наблюдать в нашей жизни. Популярны певцы, знаменитые рассказчики – из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады – вдалбливают в головы образ русского – алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном театре с репутацией либеральности идет пьеса из русского прошлого. Понимающая публика тонко переглядывается: «Как смело, как остро подмечено, как намекает на современность: действительно – в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино

¹⁵ А.Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и повестей. Был судим и осужден на 7 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным» имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издает в Париже журнал «Синтаксис».

мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспросветным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стихе, в четырех строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что Марксово наследство
Попало в русскую купель,
Где цель оправдывает средства,
А средства обо...ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя – новорожденный и его мама – вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» – «Тсс, – отвечает мама, – ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не рождаются, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу: литературное течение, рассматривавшееся в этой работе, является проявлением идеологии «Малого народа», отражением его войны с «Большим народом».

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («Большому народу»), русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпая его отравленными стрелами...

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «Малый народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы сделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «Малого народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляются два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и потому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются, – это читатели самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому правдоподобно, что наш «Малый народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например «лиц с высшим образованием», нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали еще от XIX века дурную привычку рассматривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если это суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьева, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран в Академию наук). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей – не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернов). Например, Анненский писал:

«Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперек всего течения современной жизни».

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназий или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «Малый народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определенную ее часть, которой свойственно «безрелигиозное отщепенство от государства» – черта, очень подходящая к характеристике «Малого народа». Бердяев в начале статьи упоминает, что он имеет в виду «кружковую интеллигенцию», и даже предлагает для нее новый термин: «интеллигентщина». Он говорит: «странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества». Характеристика Гершензона: «сонмище больных, изолированных в своей стране». Франк называет интеллигента «воинствующим монахом нигилистической религии безбожия», интеллигенция – «кучка чуждых миру и презирающих мир монахов».

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милуков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милуков считает «интеллигенцию» ядром «образованного класса», «ей принадлежит инициатива и творчество». Характеризуя ее, он пишет: «Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна», у нее «сложился свой патриотизм государства в государстве», особого лагеря, окруженного врагами. Он отмечает «эмигрантское настроение» интеллигенции. Овсянников-Куликовский пишет об интеллигенте-разночине: «Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем».

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определенно относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос: «Кто же это – интеллигенция?» – как-то обходится, на него нет определенной точки зрения. Видно, что авторы сборника имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи его более точной характеристики. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искаженно отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» дает совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «Малому народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе самого «Малого народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенция», мы можем понимать его как «Малый народ».

Шрагин и Янов (и кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот еще менее определенный, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовешь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, Померанц: «элита», «избранный народ» – еще более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуются сами идеологи «Малого народа», не дает возможности этот «народ» сколько-нибудь точно локализовать. Мы должны искать каких-то других путей для решения этой задачи.

6. Национальный аспект

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы: ее насыщенность национальными и в особенности противорусскими эмоциями. Авторы, по-видимому выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители – историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные, никак не логические выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведенных выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипически российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»).

Вот еще несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком «Они о нас»:

Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-нибудь другой страной (NN.).

Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское «избранничество», – многовековая гордыня «русской идеи» (он же).

«Народ» оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества («Горский»).

Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу (он же).

...Византийские и татарские недоделки (о русских допетровских времен) (Померанц).

(На Руси) христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости (он же.)

Страна, которая в течение веков пучится и расплзается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач (Амальрик).

Страна без веры, без традиций, без культуры (он же).

А что самим русским в этой стране сквернее всех, так это логично и справедливо (Шрагин).

(В дореволюционной России) «трудящиеся массы» пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью (Пайпс).

...Исполнение мечты о «порядке» и «Хозяине», которая уже сейчас волнует народное сознание (Янов).

...Традиционная преданность народа «Хозяину» (он же).

(Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что) «у русофилов выбивают почву из-под ног». Предлагается отказаться от слов «Россия», «русский народ», заменив их на «советский народ, советские люди и т. д.» (Белоцерковский)¹⁶.

Вообще, в литературе этого направления из всех народов претензии предъявляются только русскому. Например, «национализм» без всяких оговорок подразумевается русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма» в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ еще заявляет: «Неморальным мне кажется подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет», – это в сборнике «Демократические альтернативы», где подобные «подсчеты» и упреки адресованы только русским!

¹⁶ В. Белоцерковский – недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живет в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

Чтобы не создавалось впечатление, будто здесь какую-то особую роль играет слово, приведем два примера, где те же чувства передаются средствами живописи.

1. На обложке журнала «Третья волна» (№ 6, 1979), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: собачье кладбище.

2. В роскошно изданном каталоге под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжелое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рождает чудовище с тремя собачьими головами. Из первого существа течет моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая втекает, как в ночной горшок, – в собор Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне. Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о пословицах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, «примитивно прост: заботиться только о себе и не думать о других». Об их религии Меерсон-Аксенов¹⁷ говорит: «...магизм и суеверие крестьянского православия». (И это пишет человек, рукоположенный в сан православного священника!)

Суждения Померанца таковы:

«Мужик не может возродиться иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!), – это нации, в которых исчез голод.

Крестьяне не совершенны в религии, как и в агрономии».

А Амальрик пишет:

«И если язык – наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский – “арачонок” Пушкин и “жиденек” Мандельштам или мужик, который у пивной, размазывая соплю по небритым щекам, мычит: “Я... русский!”»¹⁸

Этот список можно было бы продолжать и продолжать¹⁹. Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать, как русофобию (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемых в термин «фобия», – страх и ненависть). А ненависть к одной нации, скорее всего, связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять такой тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять все явление.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить: чьи же национальные чувства здесь проявляются? – то для человека, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое

¹⁷ М.Г. Меерсон-Аксенов. По образованию историк. Опубликовал в самиздате и на Западе (частично под псевдонимом) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в священники Американской православной церкви.

¹⁸ Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не вписывается грязное ругательство, употребляемое автором.

¹⁹ Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в § 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский – «классик славянофильства». Скорее всего, это проявление брезгливого отталкивания, когда что славянофилы, что западники одинаково омерзительны...

движение: проблема отъезда и страх антисемитизма – они всплывают почти в каждой работе. Еще более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они никогда не пытаются примерить к своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским и России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявлялись – вопрос спорный. Но ведь «мессия» – не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно у евреев представление о себе как «избранном народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их религии, а религия – основу государства Израиль – и ни один из авторов в этом не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчеркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и темный путь! Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далекую тропическую страну – не в отпуск, а навсегда – и притягивали их не иконы, которым молились еще их отцы и деды, а храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот Янов описывает русскую национальную группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это – начало пути, который неизбежно приведет к деспотизму только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все эти черты – и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности – можно наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдет по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды – и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительное – часто ведь отмечается и склонность к покаянию, типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 г. и т. д.) С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисемитизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпция национальной невиновности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев и ответом – все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских. И Янов не видит здесь никаких параллелей! Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если они обращены к людям тех же взглядов, смотрящим на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции – евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского – того самого, который хотел «выбить почву из-под ног русофилов». О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительное может в этом увидеть беспри-

страстный читатель? Сам Янов считает главным злом внесение в политику моральных оценок, демократами он признает только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрек еврейской «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе, недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (т. е. расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что все обсуждается, ничто не замалчивается?) Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплеке может объяснить загадку опубликования статьи Янова о славянофилах – в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет сказать: «Не доверяйте свободолюбивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведет к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец, и у самих идеологов «Малого народа» нередки заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» – «Малый народ», приобретают смысл прокламирования особой, центральной роли, которую играет в современном нам «Малом народе» его еврейское ядро. Так, Н.Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

«Евреи и полукровки сегодняшнего дня – это вновь зародившаяся интеллигенция.

Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей...»

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем ее и у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живет здесь) говорит:

«Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей “кровью” и тем, что я говорю по-русски: между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным. Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем».

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере, для себя). Тем не менее он заявляет:

«...Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма. <<...>> Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит мое освобождение. <<...>> Я не сознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, моя родина всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете, а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев – ступать по воде».

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

«Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна»²⁰.

Вместе с тем автор берется указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или, по крайней мере, какой-то его части):

«Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано

²⁰ Это не пустые слова – его книга пропитана отвращением к России и русским, выплескивающимся почти на каждой странице.

переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть ее со стороны. Русские люди этого преимущества лишены – что они неоднократно доказывали».

Так же и Шрагин подчеркивает национальную окраску понимания интеллигенции («Малого народа»):

«Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьянина, рабочего или бюрократа... Еще Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа». Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным обществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл».

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

«Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого “перемещенного лица”, для каждого человека, потерявшего родину, центром всемирной диаспоры (которая растет и ширится). Если у еврейского народа после трех тысяч лет истории есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все».

Интересно было бы понять, что это за «перемещенные лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например это не арабские беженцы из Палестины. Скорее, здесь подразумеваются люди, утратившие почву, по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей без «корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «Малого народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «Малый народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так – дело обстоит сложнее. Психология «Малого народа», когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед «Большим народом» и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако «Малый народ» «воплощается»: использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «Большому народу». Это может быть религиозная группа (в Англии – пуритане), социальная (во Франции – третье сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма – у нас). Но, как во Франции в революции играли видную роль священники и дворяне, так и у нас можно встретить многих русских или украинцев среди ведущих публицистов «Малого народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе все движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «Малого народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «Малого народа» пропитана идеями еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего процесс формирования «Малого народа». Однако сама категория «Малого народа» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше.

7. Больной вопрос

Но если и принять, что обостренный русофобский характер литературы «Малого народа» объясняется влиянием каких-то еврейских националистических течений, то все же остается вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, если не сказать – ненавистью к России, русской истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с которой так или иначе сопрягается почти каждое произведение русофобской литературы: какое влияние на судьбу этой страны оказал беспрецедентный прилив еврейских национальных сил в политическую жизнь – как раз в эпоху величайшего кризиса в ее истории? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания.

Действительно, вряд ли был в истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части ее населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы еще долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится все более актуальным во всем мире, особенно в Америке, где как раз теперь «лобби» еврейского национализма достигло такого необъяснимого влияния, когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтедобывающими арабскими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль – и президент, вместо того чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что никакого урона Израиль не понесет²¹. В такой ситуации, естественно, может возникнуть желание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны. Эта проблема никогда еще, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и все время всплывает в литературе «Малого народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, «революцию делали не одни евреи», утверждает аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что «революцию делали одни евреи» (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Один автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14 % (?) – «вот за эти 14 % и будем отвечать». Вот еще пример: пьеса «Утомленное солнце» (вообще замечательная клокующей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор – Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: «Ответственности вы не несете, но устраиваете нам революции, отменяете нашего Бога, разрушаете церкви». – «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!» – парирует Вень. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит

²¹ Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. «Голос Америки» начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осужденных в СССР за попытку угона самолета и теперь амнистированных, прибыли в Израиль. «Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться расширения советско-американской торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырех еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями, – и признает вопрос неразрешимым: «А кто такой Врангель (т. е. немец ли?). Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни – что в ней всегда ведущую роль играли нерусские: «Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Констанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона». Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот «у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)» – хотя должен был бы автор помнить тот первозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец, намекает, что если и было что-то там, ну... не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: «Блюмкин, спяну составляющий список на расстрел, немыслим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов». (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин! – И.Ш.) *Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всем виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придает такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «Малого народа», именно поэтому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.*

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 г. Были и другие попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния каждого народа в своих ошибках? Безусловно, это – высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко еще не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путем. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от нее отворачивались, запрещали себе думать о ней в надежде, что другие за нас ее разрешат. Тем более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, сколько-нибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «отбросы еврейской общественности...». И так же дело обстоит и сейчас: например, А. Суконник, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинен в «антисемитизме».

Да и всем этим можно было бы еще пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что, как эта проблема ни болезненна, уклониться от нее невозможно.

А обсуждать ее нелегко. Жизнь в стране, где сталкиваются столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже не осознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть внутреннее сопротивление.

Однако выбор уже сделан: теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же, в самом деле, предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубоко укорененный, внушенный запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключаяющее с самого начала возможность такого вывода, объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами – можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданны они или нет, с этой точки зрения в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего – в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнаженного применения этого положения – в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «Аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами» – и по этому поводу пишет: «Он перечисляет, безо всякого лицемерия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Опасное слово засунуто посередине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования».

Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это «засунутое в середину» слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире в 50 раз больше, чем евреев. И никак уже не опасно было ему назвать русских «недоделками» и «холуями»? Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

«Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции? Поменьше поляков, побольше мадьяр? Современники смотрели на эти вещи иначе...»

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступить которую недопустимо.

И в этом Померанц прав – «слово» действительно опасное! На каждого, осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет, обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упоминая о «националистах», он говорит:

«...Возразят они мне, что антисемитизм – атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отречьшись...» и т. д.

Это «главное оружие» не уточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений, или, наоборот, загниванием капитализма, или еще завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков», Сталин – «пережит-

ками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанием у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осужденной во II веке Церковью, или хулой на Богоматерь. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать: что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то, речь идет о том самом запрете: не допустить даже как предположения, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функции которого – мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, – хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, – А. Синявского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент» он пишет:

«Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразимся так помягче) к евреям».

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что все это случилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» – в частности, на евреев. Но дальше, поднимаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские) восклицает: «Россия – Мать, Россия – Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобой и выброшенное на помойку (?) дитя».

Видите, автор даже берет русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нем что-то «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии – невменяемы (хотя Россия – Сука все же ответит и за это, и за что-то еще...). И уже от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским. В каком другом вопросе такой трюк сошел бы с рук! А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в московской организации Союза писателей евреев 80 %. Не пытаясь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает «приступить к погромам, опоясавшись Мономахом», и даже «мы имеем дело <<...>> с православным фашизмом». Видно, что цель – увести читателя с неудобной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских – почти невменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чуждому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм» и «толерантность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чуждому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм», и «толерантность».

Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают ее как свободу своей мысли и свободу слова лишь для ее выражения!

Более рационально, аргументированно тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но, приняв такую точку зрения, мы должны были бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что «Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной», ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь – суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против нее возражают (некоторых из них мы назвали выше). Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе еще одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходит? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» – от середины XIX до середины XX века?

8. Еврейское влияние в «революционный век»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединявших почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодежь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь – экономику, культуру, политику, все больше влияя на нее. К началу XX века это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

«...Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать», – писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

«Теперь еврей – во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом...»

Тем не менее мысль, что «революцию делали одни евреи», – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» революцию, т. е. были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин и вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникали первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошел поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что, после убийства Александра II, привело к взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок Народной воли» одобрил эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети – 51 на 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой организации: ее создал и ею с 1901 по 1903 г. руководил Гершуни, с 1903 по 1906 г. – Азев²², с 1906 по 1907 г. – Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 г. она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом – «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев. Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной

²² Кажется, его фамилию надо произносить Азев, а не Азеф.

силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской – русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии еврейский погром). К большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым Октябрьским переворотом и особенно вслед за ним – от меньшевиков, из Бунда (многие вожди Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн – А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рыбкин (сначала, несколько месяцев, Ефим Цетлин) и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это все лишь количественные оценки. Каков же был характер того влияния, которое оказало на ту эпоху радикальное еврейство? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты, среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времен Гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии – идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1–2 % населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нем почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере ее деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» – его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентами на престол своего предшественника – вроде убийства Петра III или Павла I: Николай II был расстрелян именно как Царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XIV во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двестише из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это²³. Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории, – когда решалась судьба крестьянства (он приведен в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), замести-

²³ Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

тели – Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела – Валович, позже Пау-кер; начальник ГУЛАГа – Матвей Берман, потом Френкель; политотдел – Ляшков; хозяйственный отдел – Миронов; спецотдел – Гай, иностранный отдел – начальник Слуцкий, заместители Борис Берман и Шпилгелглас; транспортный отдел – Шанин. А когда Ягоду сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский. Или, наконец, уничтожение Православной церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике – Шпицберге), а в 30-е годы – Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украинского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (т. е. почти исключительно антиправославной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время – Ленцман и Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счет все увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая или интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлеченными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины.) Тут – кардинальное отличие от Французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там «патриот» был термин, обозначающий революционера, у нас – контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: «расстрелян как заговорщик, монархист и патриот». И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских народов. Та приманка, которая заманивала большинство молодежи в революцию, была любовь и сострадание к народу, т. е. к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В.А. Зайцеве (мы уже цитировали его в § 4, например что «рабство в крови русских»): «Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Он писал, например: «сгинь, проклятая». О Плеханове Тихомиров пишет, что он «носил в груди неистребимый русский патриотизм». И вот, вернувшись после Февральской революции в Россию, он обнаружил, что его бывшее влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: «Будь проклят патриотизм!» Это «антипатриотическое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы. Зиновьев призывал тогда «подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм», Яковлев (Эпштейн) сетовал, что «через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм». Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснил: «...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны <<...>> поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Он требовал поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими». Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и заканчивая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «русопят» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безымянный мечтал:

О, скоро ли рукою жесткой
Расеюшку с пути столкнут?

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?

Что же! Вечная память тебе.

(Александровский.)

Или:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

(Джек Алтаузен²⁴.)

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России – даже за счет противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом – это ведь не оказало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся».

Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений – и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неустанно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? «Этот вопрос кажется мне неразрешимым», – говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

«Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, что он был “одержим” по-своему этим вопросом; он писал о нем чуть ли не больше, чем любой другой революционер».

Как раз сравнение с Врангелем поучительно, заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля – генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц

²⁴ Яков Моисеевич Алтаузен.

сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением – с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Все течет», развенчивая и Сталина, и Ленина, пишет: «блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий»²⁵.

Не только этот пример Померанца неудачен: как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер – один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической (кадетской) партии – после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмем момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже – один из вождей французской компартии), Шарль Раппопорт, пишет:

«Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне “Союз русских социалистов-революционеров”, из которого выросла в дальнейшем партия эсеров²⁶... Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь, кем хочешь – социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но, в первую очередь, будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу».

Взгляды самого Раппорта таковы: «Еврейский народ – носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории... Исчезновение еврейского народа будет означать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой организации, – были направлены против Плеве и великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считали ответственным за кишиневский погром, ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; в. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отмененные раньше.) Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за кишиневский погром²⁷.

О том же свидетельствует и Ратаев.

Один из руководителей партии эсеров, Слетов, рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на вест об убийстве Плеве:

«Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики

²⁵ В.С. Гроссман – советский писатель и публицист. Вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно втайне написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти. В одной из них, «Все течет», он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзывался о Троцком (оттуда и взяты приведенные выше цитаты). В той же книге он утверждает, что вся русская история – это история рабства, что русская душа – тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.). Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

²⁶ Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый «Союз».

²⁷ В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только за попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев его нашел и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало его на определенных условиях.

радости. Я и сейчас вижу Н., стоявшего в стороне, он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: “Это за Кишинев!”»

Вот другой пример. Советский историк М.Н. Покровский рассказывает:

«...Я знал, что еще в 1907 году кадетская газета “Новь” в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М.Г. Луницу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говоря: “Как же – ведь газета кадетская, а я большевик”. Ему говорят: “Это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четко”».

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 году вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия принесет больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.